

ПЛАЧЬ, ПАПА!

РАССКАЗ

МАРИНА МИШАНИНА
Родилась в 2003 году в Нижнем Новгороде. В детстве занималась танцами, вокалом и актерским мастерством. Участвовала в различных творческих конкурсах и занимала призовые места. Снималась

в фильмах, с 2019 по 2022 год состояла в труппах частного и любительского нижегородских театров, с которыми отыграла несколько спектаклей, любимый среди которых — по «Чайне» А.П. Чехова, где исполняла роль Маши.

– На! Жми на курок!

Лето 2018 года. Мне недавно исполнилось пятнадцать. Дома никого, кроме меня и папы.

На столе – бутылка водки. Пустая. Это уже часть интерьера. Незаменимый атрибут и прекрасное дополнение к новенькой клеенчатой скатерти. Разве что иногда меняется этикетка. Сегодня – «Беленькая».

В дни, когда у папы особенно хорошее настроение или особенно много денег, «Беленькая» превращается в Absolut. А если настроение плохое и денег нет – в домашнее вино. Его грузины из маленькой кафешки за домом по старой дружбе дают папе в долг, а долг потом любезно прощают. Это вино он приносит за пазухой, бережно прижимая к сердцу, словно оно – дар не дяди Мераба, а самого Диониса. В старой, чуть пожелтевшей бутылке от кока-колы. Я как-то хлебнула из этой бутылки, приняв вино за колу, конечно же. Мама очень на папу ругалась. Тогда папа разработал отвлекающий маневр: он с порога квартиры подзывал нас с сестрой и вручал два огромных сникерса с лесным орехом. Это сделка. Я вам сникерсы, вы мне – спокойный вечер наедине с грузинской аналоговой колой. На сестру это действовало: довольная, она удалялась в комнату с очередной шоколадкой, четвертой или пятой за неделю (в зависимости от того, был

ли это четверг или пятница). Даже с двумя шоколадками!

Пап, ну какой сникерс лесной орех?! У меня же аллергия на орехи.

Удивительный человек – мой папа. Он выпивал на ночь целую бутылку чего-нибудь-где-побольше-спирта, а наутро – ничего. Ни резкого запаха, бьющего во все близко оказавшиеся носы, ни опухлости и отечности, ни больной головы.

Папа дебоширил: орал матом, дважды падал на сушилку для белья, а утром удивлялся, почему постиранные трусы высохли комом и лежат на полу. Как-то раз он, словно Кунг-Фу Панда, одной левой сломал журнальный столик, а потом ходил и долго пытался понять, что поменялось в интерьере и почему мы с сестрой рисуем за кухонным столом, мешая маме варить щи.

Пьяный папа мог делать все что угодно. Никакой ответственности и, самое главное, никакой вины. Если ты не помнишь – этого не было. По крайней мере, для тебя. Вечное сияние чистого разума.

Пустая бутылка «Беленькой». Папа ушел в комнату слушать музыку. Лева «Би-2» на всю квартиру заливается своим «Варварааа». Окна открыты, потому что душно. Который день душно. Который день «Варварааа». Который день – «Беленькая».

Я хватаю ее и со всей силы швыряю в окно. Она упала на клумбу и помяла соседкины тети-Галины

Вот оно смотрит на тебя своими мелкими черными глазками. Не моргает. Ты успеваешь разглядеть каждый налившийся кровью сосудик. Чудовище приоткрывает рот. С пожелтевших мелких зубов капает слюна (все как в классическом ужастике). Его ноздри расширяются, а ты – не дышишь. Волоски на руках встают дыбом, и тело покрывается мелкой дрожью. Воздух не движется. Звуков нет. Сейчас оно набросится. Сейчас. Сейчас!

бархотки. Простите меня, эоактивисты. Я завтра подберу, обещаю. И тетя Галя, прости.

Музыка обрывается, и вместо «Варварымы» получается какой-то скомканный «Варвар». Шаги по коридору тяжелые, гулкие. Бам, бам, бам. Вот он появляется на кухне. Показывает на стол и спрашивает:

– Где?

Я отвечаю:

– Не знаю. Когда я пришла, тут было пусто.

Конечно же, я вру папе. Глупы те родители, которые считают, что их дети не врут. Как раз таки их дети и завираются больше остальных! Мой папа – именно такой родитель. А я выросла удивительной врушкой!

– Ну, не беда!

Отец уходит в коридор и выуживает из внутреннего кармана куртки помятую и запотевшую

кока-кольную бутылку. А вслед за ней – извинительный сникерс лесной орех.

– Шоколадка – тебе!

И стоит довольный. А я смотрю на этот сникерс, на эту видавшую виды бутылку. Смотрю на папу – прямо в лицо ему смотрю! – и душа моя выворачивается наизнанку. Мне почему-то обидно за папу. Будто бы он не виноват. Будто бы это кто-то каждый день подсовывает ему во внутренний карман «Беленькую», вино и шоколадки.

– Пап, – говорю, а у самой голос дребезжит и связки пережимаются от слез жалости к нему, – может, на сегодня хватит?

Есть тонкая грань. Когда ты пьешь – ты балансируешь на этой самой грани, как канатоходец. Пока ты удерживаешь равновесие – ты веселый, радостный. И публика вокруг веселая, радостная. Но стоит сделать – «Але-оп!» – лишний глоток, и акробат срывается, падает, публика – «Ах!», акробат прячется за кулисами, и начинается настоящее представление. На сцену выходит неукротимое чудовище.

Вот оно смотрит на тебя своими мелкими черными глазками. Не моргает. Ты успеваешь разглядеть каждый налившийся кровью сосудик. Чудовище приоткрывает рот. С пожелтевших мелких зубов капает слюна (все как в классическом ужастике). Его ноздри расширяются, а ты – не дышишь. Волоски на руках встают дыбом, и тело покрывается мелкой дрожью. Воздух не движется. Звуков нет. Сейчас оно набросится. Сейчас. Сейчас!

– Хочешь посмотреть, как папа умирает?

Секунда – он в коридоре. Там, в шкафу на верхней полке, – охотничье ружье. Он вынимает его из чехла.

Снова на кухню. Ружье в руках. Я зажмуриваюсь. По щекам бегут ледяные слезы. На лбу такой же холодный пот. Я не могу перестать плакать. Мне страшно. Мне всего пятнадцать.

Он чем-то шелкает. Такой шелчок может значить только одно – за ним последует выстрел.

– На! – говорит и грубо пихает мне в грудь прикладом. – Жми на курок! Сейчас посмотришь, как папины мозги разлетаются!

Папа... Папочка! Ну убери ты его! Не надо!

Хочу сказать, а слов во рту нет. Слова не ходят! Да и какой смысл в словах, когда в человека нацелено ружье, а приклад в твоих руках?

Руки мои! Вялые! Тонкие! Никогда не державшие ничего опаснее кухонного ножа.

Когда мне было около шести, по телевизору учили делать расслабляющий массаж. Показывают

такое движение: тыльной стороной ладони надо быстро-быстро бить по массируемой области. Это, оказывается, прекрасно снимает напряжение! Тетенька в экране обозначает это действие кодовым названием «шинкуем капусту».

Папа сидит с водкой. И я с ними. Рука его очень удобно расположилась на столе! Думаю: «Сейчас покажу ему, как могу!» Звонко выкрикиваю:

– Шинкуем капусту!

И повторяю все в точности за тетенькой из телевизора!

Рюмка дребезжит, ударяясь об стол. Папа ставит ее так осторожно, словно это святой Грааль. Долго и напряженно смотрит прямо мне в глаза, откидывается назад и из посудного ящика достает чистый кухонный нож. Протягивает его мне со словами:

– На. Шинкуй.

И подставляет руку.

Но охотничье ружье – посерьезнее кухонного ножа.

Звонок в дверь. Мама! Мамочка! Ключи утром забыла на тумбочке! Мамочка моя! Я выпускаю из рук оружие. Расстояние до двери кажется непреодолимым. Я бегу навстречу маме! Мама! Наконец-то ты вернулась, мама!

Открываю дверь. Она! В летнем платице! В сандаликах! Мамочка! Бросаюсь ей на шею и плачу. За моей спиной – отец. С ружьем. Мама оборачивается и взглядом указывает мне на комнату. «Уйди, Марина». Но я осталась. Я боялась за маму. Она медленно стянула сандалии, мягко, как кошка на пушистых лапках, подошла к отцу и вытащила из его рук оружие. Убедившись, что ружье не заряжено, мама убрала его в шкаф и, взяв отца под руку, отвела его на кухню. Папа тихо всхлипывал. На моих глазах из чудовища он превращался в обиженное дитя. Мама снова обернулась и одними губами прошептала «извини».

Потом мы с мамой соберем наспех сумки и пешком, ночью, пойдем до бабушки по мосту через Оку. Бабушке мы ничего рассказывать не будем – просто ляжем на огромную кровать и будем листать журналы про знаменитостей.

После, конечно, мама всем с бабушкой поделится. Бабушка будет охать, ахать и всяко разно вздыхать. А я сделаю вид, что все хорошо. Но я заплачу.

Да, я заплачу. А ты, папа? Хоть немного! Хоть слезинку, папочка!

Плачь, папа!